

3. Мойсєенко А. К. Слово в аперцепційній системі поетичного тексту: декодування Шевченкового вірша: Автореф. дис.... філол. наук. – К., 1997. – 32 с.
4. Савицька Л. О. Естетика слова в художній літературі 20-30 р.р. XX ст. (системно-функціональний аспект): Дис.... д-ра філол. наук.–К., 1996.
5. Хвильовий М. Твори: У 2т – К.: Дніпро, 1990. – Т. 1: Поезія. Оповідання. Новели. Повісті. – 650 с.
6. Шевченко Т. Кобзар. – К.: Дніпро, 1980.– 613 с.
7. Юрченко В. Бінаризм творчого мислення Миколи Хвильового // Диво слово. . – 2006. – № 1. – С. 56-58.

Венжинович Н. Ф.

О КОНЦЕПТУАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ КАК ОДНОМ ИЗ ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сегодняшнее состояние развития когнитивной лингвистики характеризуется единодушным признанием важной роли языка в вербализации концептов. При этом неоднократно подчеркивается, что значения языковых форм представляют собой определенные структуры знания, «концепты, схваченные языковыми знаками» [9, с.31]. Высказывается целиком справедливое мнение о том, что концепт «имеет собственное языковое выражение в виде конкретного языкового знака» [20, с. 73]. Акцентируется также мысль о том, что самые важные концепты кодируются именно в языке, отражающем как своеобразие мира, так и уровень человеческого сознания [14, с. 5; 1, с. 87]. Из этих и им подобных высказываний делается небезосновательный вывод о том, что лучший доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык. Сопоставление лингвистических и концептуальных репрезентаций дает основание полагать о предшествовании последних формированию вербальных и невербальных единиц [12, с.190-213]. Концепты отличаются большей масштабностью, чем языковые классификации в репрезентации окружающей действительности. Это подтверждается тем, что восприятие какого-либо динамического или статического события человеком, имеющим определенный концепт в мозгу, но способным описать только часть этого события, однако при необходимости уточнения он может добавить нужные детали, испытывая при этом затруднения в подборе языковых средств выражения. Границы концепта характеризуются неясностью по сравнению с языковыми сущностями и отличаются «возможной нефактологичностью и неконкретностью» [7, с. 49]. В рамках лингвокультурологии большое значение уделяется устойчивой сочетаемости для выявления культурно-национальной специфичности. Сочетаемость не только фиксирует, но и воспроизводит наиболее важные для языковой картины мира «кванты» смысла культурных концептов. Смысл концептуального анализа состоит в том, чтобы «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [16, с. 97]. Так, С. Е. Никитина, изучая слова-концепты народной культуры, пришла к выводу о том, что «семантическое описание ... может быть призведено через указание их связей с другими концептами той же культуры» [13, с. 118]. Согласно А. Вежбицкой, концептуальный анализ – это исследование набора семантических валентностей и толкование слова как выразителя его смысла. Из этого вытекает, что релевантной для концептуального анализа является сочетаемость, которая позволяет более точно описать семантические различия слов [5].

Обычно считается, что концептуальный анализ призван объяснить, почему то или иное явление имеет место. Анализ концептов, по словам Е. С. Кубряковой, связан с разъяснением, «...каким оперативным единицам нашего сознания или же ментальным в нем репрезентациям они соответствуют» [10, с. 84]. Сегодня под концептуальным анализом принято считать, во-первых, исследование языкового выражения концепта, а во-вторых, реконструкцию концептов и фрагментов действительности, стоящих за ними, на основе языковых и культурно-языковых данных [11; 20]. По этому поводу Е. С. Кубрякова пишет, что «ключ к пониманию мыслительных категорий и категорий нашего опыта лежит в анализе языковых данных – ведь именно они отражают и объективируют то, что уже подверглось когнитивной обработке человеческим разумом» [10, с. 84]. Принято считать, что словарные дефиниции с достаточной степенью достоверности отражают языковую ментальность социума. Отсюда распространенная сегодня практика обращения к словарным толкованиям лексических единиц для реконструкции концепта [6; 11; 20]. Существует также мнение о том, что доступ к концептам можно получить, исходя из исследования невербальных выражений, визуального мышления и т. д. Примером этому может служить точка зрения Р. Томлина, который призывал исследователей не ограничиваться языком и стремиться проводить концептуальный анализ на примере неязыковых сущностей и явлений, поскольку концептуальные репрезентации всегда шире и богаче вербальных (языковых) [17]. Исходя из языковой или неязыковой направленности исследования, можно сделать вывод о наличии разновидностей концептуального исследования: если за концептами стоят конкретные предметы объективной действительности, то преобладает внеязыковая направленность, наблюдение, интуиция исследователя [5]. Если же концепты анализируются, исходя из анализа языковых форм, то и концептуальный анализ носит ярко выраженную языковую направленность [2, с. 38]. В концептуальном анализе постоянно используется сочетание языковых и внеязыковых данных [19; 20]. Цель концептуального анализа заключается в установлении глубинных подсознательных, ассоциативных связей слов в языковом сознании как индивида, так и коллектива и вскрытие глубинных проекций абстрактной сущности на внешний мир, а также познание и понимание стоящего за абстрактным именем фрагмента предельной действительности и в конечном счете – самого языкового сознания [19]. При этом важно подчеркнуть тот факт, что анализу подвергается и узуальная, и окказиональная сочетаемость имени с глаголами (описательными) и прилагательными (дескриптивными), поскольку только на основе сочетаемости можно вывести имплицитный образ (гештальт).

При концептуальном анализе наряду с исследованием сочетаемости для понимания концепта следует также обратиться и к анализу широкого контекста, к типологии культуры, фокусу культуры при номинировании концепта. Перечисленные условия помогут раскрыть сложное содержание концептов и их место в концептосферах, роль в культуре и межкультурном общении. Принимая данное понимание концептуального анализа, мы распространяем его также и на невербальные составляющие, поскольку они также раскрывают то, что знает интуиция. Кроме того, мы считаем, что понимание глубинных проекций абстрактной сущности на

внешний мир должно быть сопряжено с интерпретацией в культурном контексте. Когнитивный анализ направлен на изучение не только закрепленного социальной практикой, коллективного, обобщественного знания, но и знания индивидуального, так как познание и мышление индивидуальны по своей природе. Только часть результатов исходного субъективного познания индивидуальных образов окружающего мира и смыслов, формируемых говорящими, закрепляется социальной практикой и становится достоянием всего общества, коллективным знанием или языковыми значениями, которые можно определить как социально закрепленные смыслы, которые хранятся в сознании говорящих. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результат мышления. Анализируя тот или иной концепт, в его структуре выделяют общенациональный и индивидуальный компоненты, т. е. те характеристики, которые вкладывает в данный концепт каждый конкретный человек. Посредством репрезентации в речи эти индивидуальные концептуальные признаки становятся доступными для других людей, фиксируются коллективным сознанием. Исходя из достижений компонентного анализа, позволяющего видеть семный состав плана содержания слова, «можно с уверенностью сказать, что набору сем, составляющих семему, которая выявляется в лексикографическом толковании слова (слово – скрытая дескрипция!), можно изучать его когнитивные (концептуальные) параметры» [4, с. 104]. Описание типологии концептов, подразделяемых А. П. Бабушкиным на известные в когнитивной науке мыслительные картинки, схемы, гиперонимы и логически структурированные концепты, позволило автору увидеть в концептах любую дискретную единицу коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде вербально обозначенного субстрата. Коллективный характер концептов объясняется единством мира, постигаемого индивидуальным сознанием носителей языка, хотя формирование того или иного типа концепта в голове человека зависит от уровня его знаний, конкретного предмета мысли. Концептуальная сущность выявляется А. П. Бабушкиным при помощи компонентного, а также контекстуального анализа. Ссылаясь на современные представления о соотношении языка и мышления, И.А.Стернин утверждает, что вербальная (лексическая) объективация по отношению к выражаемому концепту – вещь вовсе не обязательная, а скорее даже случайная, обусловленная комплексом факторов преимущественно коммуникативного характера. Наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием называющих его языковых единиц, так как концепты возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят от действительности, а не от языка. Языковое обозначение любого концепта зависит от коммуникативных потребностей общества, ибо в системе языка номинируется все то, что является предметом обсуждения, но далеко не все то, что становится предметом мышления. «Мышление невербально, а язык выражает его коммуникативно релевантные результаты» [15, с. 30]. Заслуживает также внимания толкование сути концептуального анализа, при котором концепт рассматривается как субъект анализа. Так, характеризуя четыре типа концептуального анализа, Р.М.Фрумкина отмечает, что, как правило, для концептуального анализа первого типа в качестве исходного материала берутся контексты из разных сочинений, в том числе и философских. Для интерпретации смыслов привлекается личный опыт автора как носителя определенных культурных и философских традиций. Апелляция к апперцепционному фону и, шире говоря, к жизненному опыту воображаемых собеседников играют принципиальную роль. Собственно языковой материал скорее иллюстрирует ранее сложившиеся ответы, нежели служит побуждением для новых вопросов. Объектом концептуального анализа второго типа служат, как правило, некоторые пропозиции, модальные частицы, кванторы. Типичным является то, что аргументация и запись результатов является, как правило, неформальной. Авторы апеллируют к лингвистической эрудиции с использованием четкой очерченной совокупности исследовательских приемов, которые вполне нормативны для собственно лингвистической традиции. При этом присутствие пары *говорящий – слушающий* вместе с их целями, ценностями, вообще с их внутренним миром обязательно. Соответственно, в центр внимания должна попасть проблема интерпретации значения. Для концептуального анализа третьего типа объектом выступает любая лексика без широкого контекста с применением в качестве метода анализа интроспекции исследователя, где результатом считается запись толкования концептов на формализованном семантическом языке. Четвертый тип концептуального анализа отличается своей направленностью и обремененностью работы не столько лингвистического, сколько лингвокультурного, философского или социологического планов (где анализируются, например, концепты «победа», «свобода», «справедливость» и др.) [18, с. 4-5]. По мнению Н. Д. Арутюновой, задача концептуального анализа заключается в моделировании концепта и установлении его связей с другими концептами, что предполагает не только описание смыслов каждого отдельного слова, но, главным образом, определение специфики «целого концептуального поля и логических отношений между входящими в него элементами». При этом необходимо иметь в виду, что понимание «обеспечивается знанием значений слов и предположений (семантической компетенцией), а интерпретация – знанием механизмов употребления языка (практической компетенцией)» [3, с.184]. Но все же правильное понимание не исключает неверной интерпретации. Исходя из положения о том, что концепт должен получать культурно–национальную прописку, В. Н. Телия усматривает смысл концептуального анализа в определении пути познания смысла концепта с тем, чтобы записать результат в формализованном семантическом языке, поскольку концепт – это «все то, что мы знаем об объекте, во всей экзистенции этого значения» [16, с. 97]. В этой связи Е.С.Кубрякова целиком справедливо отмечает, что если семантический анализ «направлен на экспликацию семантической структуры слова, уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений» и приводит к «разъяснению слова», то концептуальный анализ предусматривает «поиск общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как когнитивной структуры», что обеспечивает знание о мире. Опираясь на дефиницию концепта, по мнению Е.С.Кубряковой, можно построить «концептуальную карту» слова, представляющую собой, во-первых, отражение наиболее употребительных контекстов слова, во-вторых, констатацию всех направлений, по которым идут преобразования семантики слова и, наконец, рекомендацию к более полному лексико-графическому представлению значений слова [8, с. 97].

Подолюючи сказане вище, відзначимо, що якщо співвідносимо з конкретним мовним вираженням концептуальна структура інтерпретується на множині її концептів, значить це вираження розуміється носієм мови. При цьому одне мовне вираження може отримати в концептуальній системі декілька інтерпретацій, то єсть інтерпретується різними концептуальними структурами, входять до однієї концептуальної системи, котра може «вибирати» інтерпретацію, що відповідає інтуїції носія мови. Освідчення концепта як ментального утворення дозволяє не тільки реконструювати ментальний світ носія концептуальної системи, але й відтворити поряд з світом психіки і його етнокультурний образ. Семантичне значення концептів інтерпретується в контексті форм мислі носія мови як їх етнокультурна репрезентація. Тому практично будь-який концепт може бути перекладений з однієї мови на іншу з можливістю розширення і звуження значення і представлений в іншій мовній «упаковці». Сподіваємося, що наведений матеріал означає перспективи подальшого розвитку проблеми.

Література

1. Агаркова Н. Э. Исследование концепта *money* в языковой картине мира // Когнитивный анализ слова. – Иркутск: Изд-во ИТЭА, 2000. – С. 87-103.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995. – № 1. – С.37-64.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
4. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
5. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263-499.
6. Виширенко С.В. Принципы структурирования концепта «фенол» и текстовая реализация его ядерных компонентов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 23 с.
7. Кобрин Н. А. Язык и ментальность человека // Тезисы докладов Международной научной конференции «Язык и культура». – Москва. 14-17 сентября 2001. – Ин-т иностр. яз. РАН, 2001. – С. 49.
8. Кубрякова Е. С. Модем порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса в языке // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991. – С. 67-104.
9. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН, СЛЯ, 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 30-45.
10. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.
11. Лапшина М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.; СПб., 1996. – 32 с.
12. Mc Neil D. Growth Points Cross-Linguistically // Language and Conceptualization, 1997. – P. 190-213.
13. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка: культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 117-123.
14. Панченко Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков). Дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 1990. – 236 с.
15. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблемы лакуарности // Связи языковых единиц в системе и реализации. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 30-58.
16. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа. Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
17. Tomlin R.S. Mapping Conceptual Representations into Linguistic Representations: The Role of Attention in Grammar // Language and Conceptualization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 162-189.
18. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. – Серия 2: Информационные процессы и системы. – М., 1992. – № 3. – С. 1-7.
19. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // НДВШ ФН, 1995. – № 4. – С. 73-83.
20. Яковенко Е.Б. Реконструкция элементов концептуальной области «духовная жизнь человека». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МПГУ им. Ленина, 1995. – 15 с.

Вільховченко Н. П.

ОСНОВНІ ФУНКЦІ ТА ОСОБЛИВОСТІ ОДИНИЦЬ СПЕЦІАЛЬНОЇ КВАЗІЛЕКСИКИ У НАУКОВО-ФАНТАСТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Метою даної статті є аналіз загальних особливостей пласту спеціальної квазілексики (тобто вигаданої автором спеціальної лексики, що позначає об'єкти та явища фантастичного світу, створеного автором), а також визначення основних функцій спеціальної квазілексики в науково-фантастичному дискурсі.

Об'єктом дослідження є спеціальна квазілексика (загальним обсягом 500 одиниць), що добиралася методом суцільної вибірки з сучасних англомовних науково-фантастичних творів.

Матеріалом дослідження послуговували науково-фантастичні твори У. Гібсона [14], В. Дітца [13], Т. Джонса [16], А. Кларка [12], М. Тиса [17], С. Йорка [18] та Е. Айдла [15], загальним обсягом близько 1500 друкованих сторінок.

Дослідження особливостей та головних функцій спеціальної квазілексики в науково-фантастичному дискурсі є актуальним, оскільки дозволяє визначити дистинктивні риси даного типу дискурсу.

Наукова новизна статті полягає в аналізі основних функцій та особливостей спеціальної квазілексики в науково-фантастичному дискурсі, що являє собою одну з перших спроб подібного дослідження. Незважаючи на те, що в останні десятиріччя вчені (Т. Катиш [5], Н. Новікова [9], Ю. Ковалік [6]) виявили деякі важливі особливості мови дискурсу цього типу, все ж таки мова наукової фантастики залишається недостатньо дослідженою. Одержані результати доповнюють інформацію про загальні особливості та функції термінологічних новоутворень, включаючи спеціальну квазілексика, у художньому дискурсі.

Під спеціальною квазілексикою ми розуміємо пласт термінологічних новоутворень, що функціонує в науково-фантастичному дискурсі, та номінує спеціальні явища, об'єкти та поняття, що існують у фантастичному світі, створеному автором. Спеціальна квазілексика охоплює пласт квазітермінології фантастичні об'єкти, поняття та її автором схеми, карти, формули) та квазіноменклатури (номенклатурні одиниці, тобто марки вигаданих пристроїв, машин, роботів тощо).

Як відомо, проблемам лексичних новоутворень у різний час присвячували свої праці такі дослідники, як В. В. Виноградов [2], С. Земська [4], Р. Намітокова [8], В. В. Лопатин [7], І. С. Улуханов [10], ШПанський [11], О. О. Аксьонова [1], Ю. А. Зацний [3] та інші. Вчені погоджуються, що дослідження лексичних новоутворень дає